Константин Бандуровский

Рецензия на книгу: Does capitalism have a future?/By Immanuel Wallerstein, Randall Collins, Michael Mann, Georgi Derluguian and Craig Calhoun. NY.: Oxford University Press, 2013. 202 p.

Великая рецессия, разразившаяся во всем мире в 2008 году и в определенной степени продолжающаяся до сих пор (хотя некоторые регионы уже смогли преодолеть спад), ставит перед нами вопрос о будущем капиталистической системы, которая в настоящее время доминирует в мире. Можем ли мы вслед за Фрэнсисом Фукуямой говорить о конце истории и о том, что капитализм, в силу своего динамизма и способности осуществлять самокритику является «универсальной идеологией» и оптимальной формой организации социума, или же капитализм, как и любая другая общественно-политическая формация, конечен? И если капитализм близок к концу, то какая форма социальной организации может придти ему на смену? Будет ли это нечто новое или вариация существующих возможностей, включая и элементы капитализма? Что именно угрожает существованию капитализма, и может ли человечество противостоять этим угрозам? Эти и другие вопросы, связанные с будущим капитализма, обсуждаемые в книге «Есть ли у капитализма будущее?», сборнике статей, в котором приняли участие ведущие политические теоретики и социологи — Иммануил Валлерстайн, Рэндалл Коллинз, Майкл Манн, Георгий Дерлугьян и Крейг Калхун.

Из всех авторов сборника наиболее критическую по отношению к капитализму позицию занимает Иммануил Валлерстайн («Структурный кризис, или Почему капиталисты больше не могут

Бандуровский Константин Владимирович — к. филос. н., доцент «Русской антропологической школы» РГГУ. Сфера научных интересов: антропология.

получить от капитализма вознаграждения»). Валлерстайн исходит из общей гипотезы относительно того, что всякая система имеет свой срок жизни; по словам И. Пригожина «возраст есть у нас, у нашей цивилизации, у нашей Вселенной...» [Пригожин, 1999: 145]. Капитализм, являющийся исторической социальной системой среднего размера, следует анализировать как проходящий через три качественно различных момента: возникновения, функционирования во время «нормальной» жизни и прекращения существования (структурный кризис). Срок жизни такой системы, по мнению Валлерстайна, составляет приблизительно 500 лет, и таким образом, мы сейчас находимся в точке кризиса капитализма.

Для того чтобы осмыслить этот кризис, прежде всего, следует определить, что именно является условием капитализма *sine qua non*. Валлерстайн отвергает многочисленные определения капитализма, основывающиеся на таких характеристиках, как наемный труд, производство для обмена и /или ради прибыли, классовая борьба между предпринимателями и наемными рабочими или «свободный» рынок. Самым важным условием является «постоянное стремление к *бесконечному* накоплению капитала: копить капитал ради того, чтобы накопить еще больше капитала» [Does capitalism... 2013: 10] — установка, представляющаяся Валлерстайну настолько иррациональной, что даже удивительно, что она смогла просуществовать почти 500 лет.

Как и все системы, капиталистическая система совершает колебания, постоянно отклоняясь от точки равновесия и возвращаясь к ней. Эти колебания можно описать циклами Кондратьева и циклами гегемонии. Циклы Кондратьева определяются тем, что для накопления капитала необходима квазимонополия, позволяющая продавать продукцию по ценам, превышающим затраты на производство, в то время как в совершенно конкурентоспособной системе прибыль стремится к нулю. Квазимонополии могут существовать, если продукт является новинкой, вызывающей интерес у покупателей, или если государство использует власть для того, чтобы предотвратить вход других производителей на рынок. Преимущества квазимонополии не длятся вечно: новые технологии копируются, а власти, поддерживающей монополию, может противостоять другая власть. Кроме того, держателям квазимонополии более выгодно повышать зарплаты рабочим, чем страдать от забастовок, а последовательное увеличение затрат на рабочую силу уменьшает размеры прибыли. Поэтому в среднем квазимонополия может поддерживаться 25–30 лет, далее происходит снижение цен. Производители стремятся препятствовать этому, снижая затраты путем переноса

производства в места, где «исторически» стоимость рабочей силы ниже или перенося инвестиции в финансовый сектор, что приводит к так называемой «финансиализации» экономики. Однако в «новых» местах производства рабочие постепенно начинают требовать улучшения условий труда, в результате чего расходы возрастают, а финансиализация приводит к тому, что количество должников непрерывно возрастает, что приводит к исчерпанию существующих средств и возникает необходимость вернуться к производству.

Повторение этих циклов возможно лишь потому, что капитализм является системой, которая существует не в пределах одного государства, но в мир-системе. «Если бы эти процессы происходили в одном государстве, ничто бы не препятствовало обладателям государственной власти присваивать прибавочную стоимость, что устранило бы (или, по крайней мере, значительно уменьшило) стимулы для разработки предпринимателями новых продуктов. С другой стороны, если бы государство вообще никак не присутствовало в сфере рынка, не было бы никакого способа образовать квазимонополии. Только в случае, если капиталисты существуют в „мировой экономике“, включающей в себя множество государств, предприниматели могут стремиться к бесконечному накоплению капитала». [Does capitalism… 2013: 14–15]. Таким образом, циклы Кондраьева оказываются вписанными в более длительные гегемонические циклы, определяемые способностью одного государства утверждать правила действий всех других государств и поддерживать относительный порядок в мир-системе.

Однако в последние десятилетия происходят события, препятствующие «нормальной» деятельности исторической системы. Во время «нормальной» жизни существует очень сильное давление, побуждающее вернуться к равновесию, но в период структурного кризиса система сильно отдаляется от равновесия. «Во время структурного кризиса небольшие социальные мобилизации оказывают очень значительный эффект. Это так называемый „эффект бабочки“, когда свободная воля преобладает над детерминизмом» [Does capitalism… 2013: 33].

В качестве таких событий Валлерстайн называет уменьшение возможности перекладывать экстерналии (расходы по поддержанию экологии, возобновлению ресурсов, поддержанию инфраструктуры) на общество, увеличение расходов на оплату работников, от простых рабочих до высокооплачиваемых топ-менеджеров, увеличение налогообложения, требующееся для выполнения невероятно увеличившихся социальных обязательств государств, а так же «частного налогообложения» — расходов на коррупцию и рэкет), упадок центристского либерализма, обосновывающего капитализм идеологически и политически, приведший к глобальному господству

неолиберализма, невероятная финансиализация, приведшая к глобальной Великой рецессии, и неспособность правительств, идущих неолиберальным курсом, предпринять действенные меры, противостоящие рецессии. Таким образом, возникает негативный цикл, при котором система все больше отклоняется от точки равновесия и утрачивает способность вернуться к ней.

Какой же может быть новая устойчивая система? В настоящее время мир находится в ситуации бифуркации, когда равновозможны противоположные тенденции, причем каждая из этих тенденций, в свою очередь, может реализоваться в различных вариантах. Первая возможность — появление системы, которая сохраняет основные характеристики существующей: иерархию, эксплуатацию и поляризацию. «Капитализм не является единственным видом системы, у которой могут быть такие особенности, и новый может быть намного хуже, чем капитализм» [Does capitalism... 2013: 33]. Альтернатива — система, которая является относительно демократичной и относительно эгалитарной. Эти две возможности Валлерстайн называет «духом Давоса» (город, в котором проводится Всемирный экономический форум) и «духом Порту-Алегри» (город, в котором проводится, в противовес ВЭФ, Всемирный социальный форум, участники которого стремятся найти альтернативу существующему положению).

В свою очередь и в лагере «духа Давоса», и в лагере «духа Порту-Алегри» существует глубокий раскол. В первом лагере одна группа одобряет жесткие репрессии и инвестирует ресурсы в организацию сети вооруженных сил для сокрушения оппозиции. Другая группа одобряет «стратегию ди Лампедузы»: «Если мы хотим, чтобы все осталось по-старому, нужно все поменять» [Лампедуза, 2006: 48], т. е. менять все так, чтобы ничто не изменялось. Представители этой группы «говорят о меритократии, зеленом капитализме, большем участии в доходах, большем разнообразии и открытости к протестующим — но все лишь для того, чтобы воспрепятствовать системе, основанной на относительной демократии и относительном равенстве» [Does capitalism... 2013: 34].

Во втором лагере одна из групп исповедует «горизонтализм», стремясь максимизировать дебаты и поиск относительного согласия среди людей с различными жизненным опытом и интересами, найти институциональные формы для функциональной децентрализации как самого этого движения, так и мира, прийти к относительной демократии и относительному эгалитаризму, вторая группа полагает, что в борьбе за политическую власть непременным условием является жесткая вертикальная организация. В конце статьи Валлерстайн делает вывод, что современная мир-система не может продолжать существование,

поскольку она слишком далеко отклонилась от равновесия, и больше не позволяет капиталистам накапливать капитал бесконечно. Сейчас происходит борьба относительно того, какая система придет на смену, и «хотя результат непредсказуем, та или иная сторона победит в ближайшие десятилетия, и возникнет новая разумно устойчивая мир-система (или ряд мир-систем)» [Does capitalism... 2013: 35].

Рэндалл Коллинз («Средний класс теряет работу: выхода нет») также смотрит пессимистически на перспективы существования капитализма. Во всем мире происходит снижение занятости, особенно у массового среднего класса, «белых воротничков», которые, по мнению Коллинза, заняли сейчас место пролетариата, описываемого Марксом и Энгельсом. Для решения этой проблемы предлагаются различные «выходы»: новая технология, создающая новые места; географическая экспансия рынка; создание финансового мета-рынка; помощь правительства в расширении занятости; образовательный кредениализм (требование высокого уровня образования для работы, расширяющее сферу образовательных услуг) и прочие скрытые формы кейсианизма. Коллинз рассматривает их и последовательно показывает их неудовлетворительность. Средний класс заменяется роботами, этим новым пролетариатом, которыми будут владеть немногочисленные роботовладельцы. Это сделает капитализм неустойчивым и приведет в конечном итоге к его замене другим строем. С точки зрения Коллинза, созидательный этап существования капитализма продлился в течение некоторого времени, но нет никаких оснований полагать, что этот этап может длиться вечно.

Другие авторы вступают в полемику с Валлерстайном и Коллинзом, высказывая умеренно оптимистические (или умеренно пессимистические) прогнозы. Так Майкл Манн («Конец может быть близок, но для кого?») отвергает сам взгляд на общество как на систему, рассматривая его как «множественные налагающиеся сети взаимодействия, из которых наиболее важными являются четыре: идеологическая, экономическая, военная и политическая власти» [Does capitalism... 2013: 72]. У каждого из этих четырех источников власти может быть внутренняя логика развития, поэтому можно выделить тенденции или циклы в их пределах. Различные циклы внутри этих источников власти взаимодействуют, но не систематическим образом, что делает предсказание сложной задачей. Сложность усиливается тем, что различные национальные государства и макрорегионы значительно отличаются друг от друга, и общие тенденции охватывают одни страны и регионы в большей степени, чем другие, что может также произвести к различным

траекториям мирового исторического развития. Критикуя статью Валлерстайна, Манн также отвергает идею о том, что общественные процессы можно описать через взаимодействие циклов Кондратьева и циклов гегемонии. Он указывает, что различные исследователи датируют эти циклы Кондратьева достаточно произвольно, привязывая их к различным событиям и пользуясь различными критериями. Также в описании Валлерстайном истории «циклов гегемонии» Манн усматривает целый ряд неточностей и натяжек. Поэтому Манн полагает, что следует опираться не на «большие» теории, а на детальные эмпирические исследования, и обращается к двум самым серьезным кризисам в истории капитализма — Великой депрессии и Великой рецессии.

Эти кризисы имели множество причин, как внутренних экономических, так и внеэкономических и довольно случайных. Каждый кризис начался с одной серьезной проблемы, которая затем возрастала по мере того, как «обнаруживались» другие слабости, в различных областях, образуя нечто вроде каскада, когда одно событие подталкивает цепь других событий. Оба кризиса значительно осложнились по идеологическим и политическим причинам, например, из-за политики ликвидационизма в начале 1930-х (схожую роль сейчас исполняет неолиберальная политика аскетизма). Однако зачастую схожие факторы вызывают различные эффекты, так две войны привели к абсолютно противоположным результатам: первая помогла превратить спад в Великую депрессию, вторая способствовала Большому буму и установлению американской гегемонии. Однако, не смотря на эти кризисы, капитализм устоял.

Манн согласен с Валлерстайном в том, что «американская гегемония закончится рано или поздно в этой половине столетия, и ее финал едва ли будет величественным» [Does capitalism... 2013: 85], однако это не должно вызвать системный кризис капитализма, поскольку на смену американской гегемонии может прийти многополярный мир, а на смену доллару в качестве мировой резервной валюты — мультивалютная корзина. Также Манн отвергает идею естественного предела роста капитализма, заполнившего всю планету. Если не останется свободной низкооплачиваемой рабочей силы, которую можно было бы эксплуатировать, то «более высокая производительность труда и увеличенный потребительский спрос в только что развившихся странах могли бы компенсировать это и привести тому, что в глобальном масштабе утвердится преобразованный капитализм, с большим равенством и правами социального гражданства для всех. Это означало бы не конец капитализма, а скорее наступление лучшей версии капитализма, при котором население всей Земли

будут обладать теми видами прав, которыми обладают рабочие на Западе в эпоху после Второй мировой войны». Ведь в тот период богатство развитых стран было создано благодаря производству и торговле в их собственной среде, а не с остальной частью мира. Новые рынки могут также быть созданы благодаря культивации новых потребностей, и мы даже не можем вообразить, что наши внуки будут потреблять через пятьдесят лет. Капитализм постоянно создает новые технологии и рынки благодаря тому, что Йозеф Шумпетер назвал «творческим разрушением» (создание новых отраслей промышленности и разрушение старых). Сейчас активно развиваются микроэлектроника и биотехнология, происходит «зеленая революция», расширяются секторы здравоохранения и образования. В глобальной занятости наблюдается хоть и небольшой, но рост, так что безработица является локальной проблемой Запада (и отчасти Японии), и не может быть угрозой существования капитализма. По мере развития других регионов население Земли будет снижаться, так что проблемой будет скорее нехватка трудовых ресурсов.

Даже если принять относительно пессимистические сценарии Валлерстайна и Коллинза, их реализация могла бы привести к одному из двух альтернативных вариантов будущего, которые представляются Манну более вероятными, чем крах капитализма. Первый — общество «2/3-1/3»: «две трети хорошо образованы, высококвалифицированы, имеют регулярную занятость, вполне успешны, но треть исключена из этого общества. Бедные могут получить социальное пособие и призрение, достаточные для того, чтобы они не восставали, или же это восстание могло быть подавлено. Они составляют меньшинство, таким образом, вероятность успешной революции будет незначительна. Включенные в это общество, скорее всего, едва ли будут испытывать сильные симпатии к исключенным» [Does capitalism… 2013: 90]. Такой сценарий фактически уже осуществляется в Соединенных Штатах и отчасти в Европе. Второй — капиталистические рынки заполнят планету, прибыль и темпы роста упадут, в результате чего произойдет не разрушение капитализма, а стабилизация капитализма устойчиво низкого роста. Но в течение многих веков капитализм существовал при низком росте. Даже в успешные времена в Британии средний рост несколько выше 1% в год продолжался в течение очень долгого времени. Высокий рост, такой как около 8% в Китае и Индии, скорее кратковременное исключение. «В таком случае все человечество могло бы жить при почти стабильной экономике, как это делали японцы в течение прошлых двадцати лет. Будущее капитализма было бы не бурным, а скучным» [Does capitalism… 2013: 91]. Также возможно соединение

этих двух сценариев. Однако в любом случае великая революция, которая бы уничтожила капитализм, маловероятна. Будущее левых движений — за реформистской социальной демократией.

Однако Манн полагает, что такому умеренно оптимистическому сценарию угрожают два новых кризиса, поистине системных и глобальных. Первая глобальная угроза — возможность ядерной войны, степень которой почти непредсказуема, поскольку она зависит от целой последовательности событий, любое из которых может и не произойти. Если происходит конфронтация двух ядерных держав (Соединенных Штатов против СССР, Индии против Пакистана), угроза гарантированного взаимоуничтожения оказывается очевидной для обеих сторон, и работает ядерное сдерживание. Однако если в конфликт вовлечено множество держав, результаты становятся более непредсказуемыми. Возможен также террористический сценарий похищения ядерного оружия. Второй системный кризис, напротив, весьма предсказуем: происходит изменение климата, во многом в результате человеческих действий. Если мы хотим препятствовать этому кризису, нам следует преобразовать три главных института, которые достигли большого успеха за прошлое столетие: капитализм, национальное государство и права гражданина. Необходимо (1) контролировать капитализм, стремящийся к «бесконечному круговороту» прибыли, а так же стимулировать распространение «зеленых» технологий, (2) обуздать «бесконечный круговорот» навязчивой идеи национального государства относительно роста, увеличивающего экологическую деградацию, эгоизм национальных политических элит, стремящихся к краткосрочному росту в пределах одного периода избирательного цикла, (3) препятствовать бесконечному круговороту «гражданства потребления», когда люди считают увеличение потребления своим гражданским правом. Однако это непросто, поскольку этим «трем триумфаторам» нужно бросить вызов ради довольно абстрактного будущего. Если такие усилия увенчались бы успехом, то мы получили бы капитализм низкого роста, подчиняющийся политическому межгосударственному регулированию. Но, скорее всего, действенные усилия в этом направлении будут предприняты только после того, как кризис нанесет сильный удар по планете. При этом вполне возможно, что в случае этого «более богатые государства мирового Севера воздвигнут мощные барьеры „крепости капитализма“, „крепости социализма“ или „экофашизма“ против остальной части мира; случится массовое бегство от голода; произойдут войны за ресурсы (хотя, возможно, и не между ядерными державами)» [Does capitalism... 2013: 96]. В конечном итоге это может привести к концу не только капитализма, но и всего человечества, которое уступит свое господство над Землей насекомым.

Крейг Калхун («Что сейчас угрожает капитализму?») также полагает, что крах капитализма не является неизбежным (по крайней мере, в обозримой перспективе). Для того чтобы понять, как капитализм может устоять перед падением, возобновиться или преобразоваться, мы должны признать, что он не является совершенно изолированной системой, что «живая действительность капитализма всегда предполагает сочленение с некапиталистической деловой активностью и с политическими, социальными и культурными факторами; капитализм является как экономической системой, так и легальной или институциональной» [Does capitalism... 2013: 132], и многие из самых глубоких угроз, с которыми сталкивается капитализм, возникают из-за его зависимости от факторов, находящихся вне чистой экономики. Калхун, также как и Манн, видит угрозы капитализму в несбалансированности финансового сектора с другими секторами экономики, в зависимости доходности от экстернализации затрат, как финансовых, так человеческих и экологических, и во внешних угрозах, таких как изменение климата или войны. Однако эти угрозы могут преобразовать капитализм, а не вызвать его крах, «могут привести к созданию мира, в котором капитализм сохраняет огромную важность и, возможно, вернет себе некоторую часть своей жизнеспособности, но больше не будет в состоянии организовать мировую систему и доминировать над ней в такой степени, в которой он это делал в течение современной истории» [Does capitalism... 2013: 133].

Будущее выживание капитализма, полагает Калхун, зависит от того, можно ли будет создать институции, которые создают условия существования капитализма — экстернализацию затрат, поддержание инфраструктуры, воспроизводство природных и человеческих ресурсов (включая образование, здравоохранение и социальную помощь). Капитализм уже не может расширяться в качестве «либерального капитализма», но, по мнению Калхуна, связь капитализма и либерализма сформирована специфическими историческими условиями и не является необходимой. Возможно, в будущем появится капитализм, в большей степени контролируемый государством, или та или иная форма государственного капитализма, или возникнет ситуация, когда капитализм будет контролировать меньшее количество деловой активности, в то время как альтернативные системы будут контролировать большее. Возможно, удовлетворение институционального дефицита приведет к развитию неформальных институтов и неформальной экономики, находящихся в сложном взаимодействии с легальной капиталистической экономикой.

Вопрос о будущем капитализма неизбежно вызывает вопрос о коммунизме. Можно ли сейчас рассматривать коммунизм как возможную альтернативу капитализма? Можно ли рассматривать кризис капитализма как аналогичный кризису и крушению коммунистической системы? Георгий Дерлугьян рассуждает об этом в статье «Чем был коммунизм». Советская система была и представлялась всем достаточно устойчивой вплоть до того момента, пока не произошел внезапный коллапс. Прогнозируя будущее, нужно не только проецировать линейные процессы, но и учитывать возможность контингентных событий, резко меняющих однородное течение событий. Система может быть одновременно и достаточно прочной для того, чтобы поддерживать свое существование, и уязвимой для малых событий, влекущих за собой большие последствия из-за нестабильной интеграции целого. Коммунистическая система была «слишком большой», определяющей контексты и условия для существования остальных частей, и поэтому казалась само собой разумеющейся, но ее целостность была довольно поверхностной. Вместе с тем советскую систему, представляющую собой совокупность институтов, объединенных самым главным институтом, государством (и, конкретно, СССР) едва ли можно рассматривать как аналогичную капитализму, и, таким образом, предвещать крах капитализма, основываясь на нашем опыте краха коммунизма.

Авторы сборника попытались заглянуть в будущее человечества, стараясь опираться на анализ происходящих процессов, и не делая опрометчивых и категорических суждений. Получился довольно широкий веер возможностей и единственный общий вывод, который можно сделать, заключается в том, что с одной стороны будущее неопределенно, но с другой — многое зависит от нас. Также многие авторы сходятся в том, что будущая система, неважно, будет ли она называться и являться капиталистической, должна быть более гуманистичной, более внимательной к охране окружающей среды, более контролируемой международным сообществом во благо всего человечества, а не отдельных узких групп, оперирующей долгосрочными прогнозами и стратегиями, в противном случае речь должна вестись не о гибели капитализма, а о гибели человечества. К сожалению, авторы сборника, обращаясь спорадически к событиям в современной России, не дают глубокого и систематического анализа процессов, происходящих в России, и не дают прогнозов относительно нашего будущего. Но это только дает нам повод продолжить начатый в этой книге разговор и надеяться, что в обозримом будущем у нас появится такой сборник, ставящий вопрос о будущем капитализма (или альтернативных систем) в России.

Библиография

1. *Does capitalism have a future?/By Immanuel Wallerstein, Randall Collins, Michael Mann, Georgi Derluguian and Craig Calhoun. NY.: Oxford University Press, 2013.*
2. *Лампедуза Томази Дж. ди. Гепард. М.: Иностранка: 2006.*
3. *Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск, 1999.*